

## Глава 12

Сказать «я в деле» было легко, но требовалось ещё всё тщательно спланировать. Государь, конечно, доставил Преисподней немало хлопот, но заставить чиновников загробного мира раскошелиться на такой огромный ресурс было задачей не из лёгких. Поэтому со следующего дня Му Ци, следуя указаниям императора, начал «создавать атмосферу».

В первую неделю Му Ци отправил Системе сообщение, что процесс перевоспитания идёт не слишком успешно: Лю Чэ тратит деньги направо и налево, раздаёт щедрые дары, а расходы не поддаются учёту. Через три дня пришёл ответ из подземной канцелярии: их позиция неизменна. Если траты слишком велики, бюджет можно увеличить, главное — продолжать в том же духе.

«Так вот как легко увеличить бюджет?»

На второй неделе Му Ци отправил новое сообщение: у императора Сяо-у новые замашки. Теперь он с помощью денег задабривает местных жителей, от молодых и сильных злобных юнцов до уважаемых стариков. Все очарованы его щедростью. Цель этих действий неясна.

На этот раз реакция Преисподней была молниеносной. Уже на следующий день Система передала сообщение, в котором господина Му просили внимательно следить за ситуацией, проявлять бдительность и немедленно обо всём докладывать.

О «бдительности» можно было не беспокоиться. Протянув ещё полмесяца, Му Ци, как и было условлено с Его Величеством, отправил список книг, которые господин Лю заказывал в последние месяцы.

И в тот же вечер он получил срочную депешу:

[Дело срочное, просим решить как можно скорее. Мы окажем всю необходимую поддержку.]

Сработало.

На самом деле, в Преисподней, скорее всего, догадывались о хитрых играх императора. Но иногда, даже зная о намерениях противника, ничего не можешь поделать. Ведь если бы загробный мир мог силой заставить «ханьскую тургруппу» подчиниться, им бы не пришлось просить о помощи. Поэтому, столкнувшись с условиями, выдвинутыми государем, чиновники, хоть и скрепя сердце, были вынуждены уступить. По правде говоря, они, вероятно, думали, что если уж придётся потратиться, чтобы избавиться от этого источника головной боли, то, возможно, оно того и стоит.

Раз уж подземный мир был готов пойти на уступки и не требовалось тратить внутренние ресурсы, договориться с Бюро пространственно-временного администрирования было

несложно. В конце концов, это была просто работа за деньги, не нарушавшая никаких правил, и Система была рада оказать такую услугу.

Однако, работа работой, но ничего лишнего Управление делать не собиралось. По правилам, если бы их отправили в прошлое с официальной миссией по спасению мира, Администрация предоставила бы полный пакет услуг: от прикрытия и материально-технического обеспечения до гарантий безопасности. Но поскольку император У-ди настоял на частной поездке, все услуги были отменены, а вместо них пришлось подписать чрезвычайно строгий и запутанный договор. Бюро разрешало мелкомасштабные перемещения, но категорически запрещало путешественникам оказывать «крупномасштабное» или «злонамеренное» влияние на историю. Нарушителей ждало жесточайшее наказание, а подробное определение «злонамеренных действий» занимало несколько сотен страниц.

Такие ограничения были, по сути, бесчеловечными. Ведь путешественник, находясь в гуще событий, вряд ли мог предсказать все последствия своих действий. Если за каждый шаг следовало наказание, то оставалось только сидеть сложа руки. Обычно сотрудники, выполнявшие задания, были защищены различными «пунктами об освобождении от ответственности». Но теперь, действуя самостоятельно, они должны были столкнуться с самыми суровыми, самыми безжалостными правилами.

В такие моменты и проявлялась сила духа. Хотя описанные Бюро «жесточайшие наказания» были действительно пугающими, император Сяо-у, убедившись в возможности вернуться в прошлое, не стал даже вникать в детали договора и быстро подписал все сотни страниц. По его словам, нужно было сосредоточиться на главном противоречии, а профессионалы должны уметь принимать решения. Хочешь чего-то добиться — будь готов чем-то пожертвовать. Без риска не бывает победы.

«Опять же, начитался всякого!»

Через две недели все формальности были улажены. Организация прислала специального курьера с маленькой запечатанной коробкой, в которой лежал всего лишь один красный лист бумаги. Это и был самый ценный актив Бюро, результат огромных затрат ресурсов — возможность путешествовать во времени. Достаточно было приклеить этот лист к двери, и они получали простую, но функциональную временную дверь, способную удовлетворить их основные потребности.

Впрочем, Управление было готово предоставить лишь самое необходимое. В сопроводительных документах было чётко указано: в соответствии с ресурсами, предоставленными Преисподней, эта дверь могла гарантировать им перемещение лишь в «эпоху императора У-ди династии Западная Хань», чтобы Сын Неба мог «начать всё сначала». В какой именно год? Неизвестно. В какое именно место? Неизвестно. С какой именно ситуацией им придётся столкнуться? Тем более неизвестно. В общем, полная неразбериха, действуйте на своё усмотрение.

Но это не могло смутить Му Ци, закалённого в многочисленных миссиях. Он раздобыл подержанную робо-собаку, установил на неё приёмное оборудование и мощный аккумулятор, и с помощью игрового джойстика управлял ею, заставив два часа кружить по ту сторону

«двери». Когда аккумулятор сел, Му Ци скачал видео и показал его трём ханьским аборигенам для опознания.

Сравнив изображение с памятными им местами, они быстро всё поняли.

— Это Восточный рынок Чанъаня, — сказал Хо Цюйбин, указывая на изображение, снятое через камеру робота.

Чтобы не привлекать внимания, они запустили робо-собаку ночью, во время комендантского часа, и при свете луны были видны лишь тёмные очертания зданий.

— Вон те высокие груды — это, должно быть, клетки для кур и собак. Со времён императора Сяо-цзина легкомысленные юнцы Чанъаня часто устраивали на Восточном и Западном рынках петушинные бои и конные состязания, проигрывая деньги и пьянствуя. Там всегда было шумно.

Он сделал паузу и указал на освещённый луной угол.

— А это, похоже, куча конского навоза. Значит, здесь всё ещё устраивают скачки.

Вэй Цин, хоу Чанпина, слегка нахмурился и бросил взгляд на племянника. По правилам, установленным губернатором столицы, в Чанъане, у подножия трона, скачки и азартные игры были запрещены. Но спрос был слишком велик, а прибыль — слишком высока, так что все занимались этим тайно. Однако одно дело — тайно играть, и совсем другое — открыто говорить об этом постыдном секрете перед государем. А хоу Гуаньцзюнь... что ж, юноша, возможно, и не собирался никого разоблачать. Скорее всего, он так быстро взлетел по карьерной лестнице, что не имел опыта службы на низших должностях и просто не знал о таких негласных правилах, вот и проболтался.

— Значит, у злобных юнцов Чанъаня ещё есть время и желание развлекаться, заниматься, так сказать, сферой услуг, — Му Ци не обратил внимания на скрытые течения в верхах ханьского общества. Он лишь задумчиво произнёс: — Похоже, это ещё не поздний период правления Вашего Величества, и ещё не начались ни бедствия, вызванные колдовством «гу», ни великие стихийные бедствия.

Император промолчал.

— Это вы так язвите, издеваясь надо мной? — холодно спросил Лю Чэ.

Му Ци кивнул.

— Да.

Император не нашёлся с ответом.

Два мастера сошлись в поединке, и каждый удар был смертельным. Хоу Чанпина и хоу Гуаньцзюнь благоразумно прикусили языки, делая вид, что ничего не слышат. Впрочем, хотя внешне они и сохраняли вид покорных слуг, не смеющих возразить, в душе они оба вздохнули с огромным облегчением, убедившись, что по ту сторону двери их ждёт не безумный закат правления.

«Слава Небесам!»

Государственная машина Западной Хань достигла своего расцвета при Лю Чэ. После введения государственных монополий на соль и железо для борьбы с сунну, все богатства Поднебесной стекались в Гуаньчжун. Покинуть Гуаньчжун было всё равно что рыбе оказаться на суше — ни о каких великих делах не могло быть и речи. Но эта столица, средоточие всех богатств, была также и местом, где свирепствовали жестокие чиновники, а законы были суровы и многочисленны. Поэтому, хотя слова Му Ци и были неприятны, в них была доля правды. Один опавший лист говорит о приходе осени. Если легкомысленные юнцы на Восточном и Западном рынках всё ещё могли устраивать петушинные бои и конные состязания, значит, обстановка была ещё относительно свободной, и путешественники из будущего могли незаметно влиться в толпу и спокойно строить планы. А если бы даже этим местным сорвиголовам стало негде развернуться, то в такой ситуации, вероятно...

Увы, никто из них не хотел, едва ступив на родную землю, быть схваченным ищейками и брошенным в тюрьму как пособник наследного принца Вэй.

Кстати говоря, если разобраться, то, за исключением Му Ци, все остальные члены их четвёрки в той или иной степени были связаны с наследным принцем. Так что если бы жестокие чиновники схватили их как его сторонников, они бы не сильно ошиблись. По крайней мере, они были бы более виновны, чем простые обыватели.

Конечно, правление императора У-ди было долгим, и даже исключив самый опасный период, оставшееся время было трудно оценить. Поскольку Система не предоставила им никакого прикрытия, им нужно было тщательно продумать, как действовать. Не могли же они просто явиться в Чанъань, создав ситуацию с двумя живыми императорами. Четвёрка несколько дней проводила совещания, но так и не смогла прийти к единому решению.

Да, хотя среди них было трое коренных жителей Хань, двое из них родились в богатстве и роскоши и не имели представления о жизни простого народа в Чанъане. Их воображение рисовало самые невероятные картины, и они часто предлагали совершенно немыслимые идеи. Например, Хо Цюйбин предложил им войти в Чанъань под видом иноземных купцов, чтобы скрыть свою личность и уменьшить риск разоблачения. Но Вэй Цин тут же возразил, указав, что все иноземные купцы, торгующие в Чанъане, имеют покровителей среди высших сановников, которые и позволяют им делить столичный рынок. Такую тесную связь чужакам подделать было невозможно.

— Связь с сановниками? — удивился хоу Гуаньцзюнь. — Я много раз покупал товары у купцов в северных землях, но не слышал, чтобы они кому-то платили за покровительство.

— ...Это потому, что ты и был тем самым сановником, который их покровительствовал, — сухо ответил Вэй Цин. — Слуга не служит двум господам. Они уже платили тебе, так что не могли платить кому-то ещё.

Хо Цюйбин на мгновение задумался и понял, что ему нечего возразить. До восемнадцати лет он был дворцовым советником, постоянно находился при дворе и не знал о закулисных интригах и связях между чиновниками и купцами в столице. А после восемнадцати... что ж, после восемнадцати он стал полковником стремительной кавалерии и хоу Гуаньцзюнь. Кто бы стал беспокоить его такими мелочами?

Хо Цюйбин замолчал, вероятно, размышляя о глубокой логике власти в Ханьской империи. А государь, подумав, с уверенностью предложил свой план.

— Мы можем притвориться торговцами драгоценностями, продающими редкие и диковинные вещицы, — сказал он. — Такая торговля очень популярна в задних покоях дворца. Это позволит нам входить и выходить из дворцов Вэйян и Чанлэ, приблизиться к центру власти и подготовиться к будущим великим делам.

— Драгоценностями? — переспросил Му Ци. — Что именно Ваше Величество собираетесь продавать?

— Сделаем несколько стеклянных поделок, и хватит, — Сын Неба был хорошо знаком с этим делом. — Цветное стекло, машинная огранка, можно ещё духами сбрызнуть. Обмануть их будет проще простого.

— Среди этих, кого так легко «обмануть»...

— И я сам, — невозмутимо ответил император. — Возьмите шёлк, покройте его несколькими слоями золотой краски, сделайте как можно роскошнее. Если удастся доставить это прямо ко двору и завоевать расположение другого «меня», то все проблемы будут решены. Ничего не поделаешь, такова была эстетика того времени.

После информационного взрыва стоимость получения чувственных удовольствий резко упала, и, как следствие, крайности сошлись — эстетические предпочтения современных людей сместились в сторону минимализма и сдержанности. Но в древности, когда технологии были крайне примитивны, даже высшая знать не могла потакать всем своим желаниям. Эти неудовлетворённые желания находили выход в эстетике, требующей сложности, изысканности, великолепия. Нужно было нагромождать все элементы красоты, чтобы в полной мере удовлетворить эстетические потребности.

И в этом отношении император Сяо-у был особенно показателен. Переместившись в

современность, он продолжал следовать дворцовому обычаю и каждый день менял одежду (снятую, разумеется, раздаривал). А его вкус в выборе одежды и украшений был весьма своеобразен: цвета и фасоны были очень смелыми. Если бы не его величественная осанка, он, вероятно, давно бы стал героем местных сплетен.

Искренность — лучшее оружие. После такого откровенного признания государя Му Ци потерял дар речи и мог лишь изумлённо смотреть на него.

Заткнув собеседника за пояс парой фраз, император намеревался подробно изложить свой хитроумный план по проникновению во дворец под видом торговца драгоценностями. Но тут Вэй Цин кашлянул и осторожно напомнил:

— Да будет известно Вашему Величеству, торговля драгоценностями и редкими вещами во дворце контролируется разными знатными особами, и чужаку туда пробиться очень трудно...

Лю Чэ нахмурился, но не удивился. Он и в прошлой жизни знал, что поставки ко двору — это огромный пирог, от которого каждый знатный вельможа норовил отхватить кусок. Просто раньше такие мелочи не занимали его, Сына Неба.

— И что же это за «знатные особы»?

— Великие принцессы, наложницы, придворные дамы — всем им нужны деньги на булавки.

Маркиз Чанпина был как всегда осторожен. Хотя он перечислил три категории, любой сведущий человек сразу бы понял, о ком идёт речь. Наложницы и придворные дамы не покидали пределов дворца, и их влияние на внешние дела было невелико. По-настоящему же влиятельными, способными плести интриги и дёргать за ниточки власти, были лишь знатные принцессы, близкие по крови к императору и имевшие свободный доступ во дворец. Например, в эпоху императора У-ди таковых была одна особа.

Всем было известно, что главным делом всей жизни старшей принцессы Пиньян было поставлять брату новых наложниц и, пользуясь этим, укреплять свою власть. К деньгам же она была довольно равнодушна. А вот ненасытной жадностью, не позволявшей упустить даже такую мелочь, как торговля драгоценностями, отличалась лишь одна великая принцесса...

— Моя тётушка и впрямь любит во всё совать свой нос, — хмыкнул император. — Даже на нескольких золотых украшениях хочет нажать. Неудивительно, что качество поставляемых ко двору драгоценностей всегда оставляло желать лучшего... Ну да ладно, тётушку интересуют только деньги. Если удастся наладить связи во дворце, можно и потратиться.

Пока дело не касалось основ политики, государь был очень снисходителен к своим родственникам. Великая принцесса Доу была ему родной кровью, да и связывали их тёплые чувства, так что её заработки во дворце не были для него большой проблемой.

Но Вэй Цин снова замялся. Поколебавшись, он осторожно произнёс:

— Ваше Величество правы, но в столице ходят слухи, что, имея дело с Великой принцессой Доу, нужно смотреть не только на деньги, но и на человека...

— На человека?

Император впервые за долгое время выглядел растерянным. Сын Неба был в курсе всех важных событий, но до некоторых пикантных слухов его уши не доходили. А вот такие сплетни, наоборот, легко просачивались в неофициальные хроники, привлекая внимание скучающих потомков — например, Му Ци, чьё лицо внезапно приобрело странное выражение.

— Что значит «смотреть на человека»?

Под вопросительным взглядом государя и странным взором господина Му великий генерал был вынужден, скрепя сердце, ответить:

— Ваше Величество помните господина Дун Яня, что состоял при Великой принцессе Доу?

Лицо Му Ци стало ещё более странным.

«Состоял при! Как деликатно, как изящно сказано! Кто посмеет сказать, что великий генерал не владеет искусством риторики?»

Император вспомнил:

— Тот самый «хозяин дома», которого отчитал Дунфан Шо?

К счастью или к несчастью, господин Дун всё же оставил след в памяти Сына Неба, хоть и весьма смутный, лишь как приложение к Дунфан Шо. Вероятно, даже имя его уже стёрлось.

— Именно он, Ваше Величество, — тихо сказал великий генерал. — В столице говорят, что этот господин Дун был сыном торговца жемчугом. Когда он торговал своим товаром, его заметила старшая принцесса Коу и оставила при своём дворе. С тех пор... с тех пор пошёл обычай, что чиновники, желающие заручиться поддержкой принцессы, должны представлять богато одетых красивых юношей, иначе им трудно даже переступить порог её дворца...

Император вытаращил глаза, не в силах вымолвить ни слова. А Му Ци, давно ждавший этого момента, не удержался и расхохотался:

— Вот она, традиция дома Лю — «приводить красивых юношей»!

Он хихикнул.

— Где же нам теперь найти красивого юношу? Впрочем, Ваше Величество, вы и сами ещё вполне в расцвете сил!

<http://bllate.org/book/16002/1473737>